



**Meždunarodnyj
naučno-issledovatel'skij
žurnal**

**№8 (15) 2013
Часть 2**

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620036, г. Екатеринбург, ул. Лиственная, д. 58.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

Подписано в печать 08.09.2013.
Тираж 900 экз.
Заказ 7562.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО «Европринт».
620075, Екатеринбург, ул. Карла-Либкнехта 22, офис 106.

Сборник по результатам XVIII заочной научной конференции Research Journal of International Studies.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Полное или частичное воспроизведение или размножение, каким бы то ни было способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения авторов.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217.**

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазиллов В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татаринова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.исп.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

Екатеринбург - 2013

напівсонний блукав він без мети по місту, не будучи спроможний вирішити, чи він збожеволів, чи чиновники втратили глузд, чи вві сні все це діється, чи наяву заварилися дурючі гірші за сон [Гоголь М., 2009б: 186]. *Like one on a stupor, he wandered aimlessly about the town, quite unable to decide whether he had lost his mind, or the officials had lost theirs; whether all this was a dream, or whether this madness – worse than any nightmare – was in fact real* [Gogol, 2009: 217]. В данном фразеологическом контексте концентрируются ФЕ, вербализующие концепт «Разум», характерный для гоголевской концептосферы в целом, включая именной компонент окказиональной ФЕ.

Окказиональные ФЕ могут формироваться в результате контаминации двух сходных по семантике фразеологизмов. Ср.: *Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилить; сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены* [Гоголь, 2009: 530]. ФЕ *зарубить [себе] на носу* 'надолго что-то запоминать' и *вбить в голову* 'внушить кому-л. что-л.' в данном случае вербализуют разные смысловые грани концепта «Память», чем, по нашему мнению, и обусловлена возможность такой фразеологической трансформации. Ср.: *Як забрав що собі в голову, то вже нічим його не переконаєш, скільки не подавай йому доводів, ясних як день, все відскакує від нього, як гумовий м'яч відскакує від стіни* [Гоголь М., 2009б: 45]. *Once people like that get an idea into their heads nothing will drive it out; no matter how carefully and clearly you reason your arguments all bounce off them, like an India-rubber ball off a flat wall* [Gogol, 2009: 49]. В переводных контекстах указанная контаминация отсутствует: в украинском варианте предстаёт нормативная ФЕ *забрати в голову*, в английском – нормативная ФЕ с лексическим конкретизатором *an idea*.

Итак, когнитивные процессы восприятия текста как целостного образования опираются на языковые знаки, участвующие в вербализации когнитивных структур. Фразеологизм – прежде всего коммуникативная единица, объективирующая лишь часть концептуального слоя. В ходе вербализации тех или иных мыслительных структур языковые знаки, а в нашем случае это ФЕ, объективируют дополнительные дискурсивные смыслы, которые выделяются из фразовых контекстов. В данной работе мы рассмотрели как варианты «идеальной» эквивалентности на семантическом, структурно-грамматическом и компонентном уровне трансформированных ФЕ [Арсентьева, 1989: 96-97], так и случаи семантической и метафорической аналогости, причём последнее характерно для переводов на неблизкородственный английский язык. Дальнейшего анализа требуют фразеологические контексты, переданные нефразеологическими средствами рассматриваемых языков, где перевод больше фиксирует смысловые нюансы, чем языковые формы выражения. Для практического переводоведения должен стать основополагающим тезис о том, что аналоговый или эквивалентный способы перевода ФЕ следует применять с учётом структуры фразеологической конфигурации и необходимости сохранения ассоциативно-образной доминанты фразеомообразующего дискурса, формирующих когнитивно-прагматическую архитектуру переводного текста.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 334 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 128 с.
3. Архипова М. В. Репликация как средство экстеризации внутренней речи в художественном дискурсе: На материале американского короткого рассказа / дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / М.В. Архипова. – Челябинск, 2003. – 165 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в одном томе / Н.В. Гоголь. – М.: АЛФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
5. Гоголь Н.В. Миргород / Н.В. Гоголь. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1980. – 296 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
7. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2005. – 320 с.
8. Малышева Н.В. Специфика перевода трансформированных фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова и их переводов на английский язык) // Филология и человек, 2008. – №2. URL: <http://www.wysotsky.com/0006/032.htm> (дата обращения 26.08.2013)
9. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. – СПб.: Тип. Акад. наук. – М. И. Михельсон. 1896–1912. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/3457/%D0%9A%D0%B0%D0%BA (дата обращения 26.08.2013)
10. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики / В.М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
11. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
12. Вечори на хуторі біля Диканьки / М. В. Гоголь. – Т. : Навчальна книга – Богдан ; К. : Веселка, 2004. – 336 с.
13. Гоголь М. 2009а: Гоголь М. Вибране: у кращих укр. пер. / М. Гоголь; пер. О. Вишня, М. Рильський, П. Панч, А. Хуторян; передм. М. Жулинського. – К.: Наукова думка, 2009. – 354 с.
14. Гоголь М. 2009б: Гоголь М. Мертві душі / М. Гоголь. – К.: Школа, 2009. – 336 с.
15. Gogol, N. A Selection. – М.: Progress Publishers, 1980. – 396 p.
16. Gogol, N.V. Dead souls. A poem / Translated and Edited by Christopher English / Introduction by Robert Maguire. – Oxford University Press, 2009. – 450 p.

Тараканова Д.А.

Аспирант, кафедра русского языка, Томский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному», (грант № 12-04-00163).

ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА: ПРОЦЕСС СИМВОЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Аннотация

Исследование направлено на выявление специфики связи языка и культуры посредством вычленения в семантике диалектных лексических единиц символического компонента. Представление диалектных слов, наделенных символическим компонентом значения как единиц, транслирующих особенности народного мировидения сибирских крестьян, вносит вклад в изучение лексического фонда русских старожильческих говоров Среднего Приобья и культуры их носителей.

Ключевые слова: обрядовый дискурс, символизация, символический компонент, символическое значение.

Tarakanova D.A.

The research is aimed at revealing the specific communication language and culture through a distillation in the semantics of the dialect of lexical units of the symbolic component. Representation of dialectal words, endowed with symbolic component values as units, broadcasting features of folk worldview of Siberian peasants, contributes to the study of lexical Fund of the Russian old believers' dialects of the Middle Ob and the culture of its speakers.

Keywords: ceremonial discourse, symbolization, a symbolic component, symbolic semantics.

В настоящей статье мы обращаемся к вербальной сущности обряда как продуктивной эмпирической базе для исследования лексических единиц, содержащих в своем значении символический компонент. Для обозначения вербальной формы выражения обряда используется термин **обрядовый дискурс**: вся совокупность информации, содержащаяся в нем, дает возможность говорить о реализации символического компонента значения слова. Выбор термина **дискурс** обусловлен трактовкой этого феномена как связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текста, взятого в понятийном аспекте. Согласно мнению Н. Д. Арутюновой, «одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях (discourse processing), определяющих необходимый темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного и бщепринятого, эксплицитного и имплицитного содержания дискурса, меру его спонтанности, выбор средств для достижения цели, фиксацию точки зрения говорящего и т. п.» [Арутюнова, 1990: 137]. **Обрядовым** дискурс назван в связи с ограничением области настоящего исследования рамками обряда как формы человеческой деятельности, характеризующейся высоким уровнем символичности.

В понимании Т. Б. Банковой, обрядовые слова конструируют сакральный смысл обряда, являющего собой «выражение того бытийного уровня, который сформировался в результате преодоления границ бытового, закрепленного в профанных по своей природе предметах, процессах и их наименованиях» [Банкова, 2006: 26]. Следовательно, лексические единицы становятся обрядовыми при преодолении границ бытового значения в переходе от профанного к сакральному.

Процесс перевода значения диалектного слова из профанного в сакральное называем **сакрализацией** (термин Т. Б. Банковой).

В составе обрядовых слов выделяется группа единиц, значение которых развивается до уровня архетипических, вмещающая в себя абстрактные представления о процессах мироустройства. Такие слова являются результатом символического уровня сакрализации - **символизации**, завершение которого проявляется в развитии в значении слова символического компонента.

О символизации явлений материальной действительности пишет В. В. Колесов: «В этом мире ценная любая вещь, с ней нелегко расстаться, потому что она есть некий символ, знак нераскрытого нечего, каждая самая ничтожная тряпка вещного мира может стать предметом поклонения, потому что с нею связаны события прошлого, она была нужна, она помогала жить» [Колесов, 2004: 20]. То есть в традиционной культуре за определенными действиями, явлениями, признаками закреплены представления обо всех совокупностях миропорядка.

Абстрактной семантикой наделяются лексические единицы, называющие предметы, действия и признаки окружающей действительности. Таким образом, данные единицы входят в обрядовый дискурс, дополняя свое значение символическим компонентом.

То есть в профанном контексте актуализируется денотативный компонент значения слова и репрезентируется предметно-логическое значение.

В обрядовом дискурсе происходит перегруппировка компонентов в структуре значения, а именно:

- В процессе сакрализации слово наделяется сакральной семантикой, проявляющей функции называемых предметов, действий, признаков в рамках обряда. Так формируются обрядовые слова.

- Сакральная семантика некоторых обрядовых слов развивается до уровня абстрактных, архетипических представлений коллектива о процессах мироустройства – в значении таких слов развивается символический компонент.

В рамках обрядового дискурса символический компонент становится ведущим в структуре значения слова, эксплицируется символическое значение. Лексические единицы, имеющие в обрядовом дискурсе символическое значение, называем **слова-символы**.

К примеру, лексема **сундук** имеет бытовое значение «большой ящик с крышкой и с замком для хранения вещей, ценностей», которое реализуется в профанном контексте: «**Сундук** – для хранения. Вещи хранили как. Комод ешо есть. Так в ём три яшишка воткнуты. А **сундук** кто железом обивает, кто просто краской покрасят её; Сходит муж, выпьет, да мимо сядет **сундука-то**» [ВС, 2002, Т. 6: 426].

В обрядовом дискурсе лексема **сундук** приобретает сакральное значение – вместилище или часть приданого: «*Когда невесту берут – придано готово. Он к жениху это придано везет – раньше чё в приданом было? Сундуки разны: подушки, перины*» [ВС, 2002, Т. 6: 426].

Следующий уровень процесса сакрализации – символизация, в результате которой развивается символический компонент значения – материальная состоятельность невесты. «Числом сундуков измерялся достаток хозяев, они служили обязательной частью приданого невесты и хранилищем ее одежды и украшений» [Русская изба, 1999: 328]. Отсюда выражения «готовить сундук», «большой сундук». Акциональные распространители, обозначающие действия по подготовке **сундука**: *готовить сундук, покупать сундук*, раскрывают семантику символического компонента – достижение девушкой брачного возраста: *Тебе, Саши, в девках недолго сидеть, тебе сундук надоть готовить, жениха искать* [Том. Том.]; *Придано готовилось: подрастёт девка, покупают ей сундук* [Том. Пар.].

Так, лексема **сундук** имеет бытовое, профанное значение, в обрядовом дискурсе реализуется символический компонент. В рамках обрядового дискурса слово **сундук** называет не предмет для хранения вещей, а вместилище приданого, свидетельствующее:

- а) о материальном благосостоянии семьи невесты;
- б) о достижении девушкой брачного возраста.

В связи с этим, в обрядовом дискурсе не может функционировать снисходительная единица **сундучишко**, бытовое значение которой также «предмет для хранения вещей»: «*В сундучишки складывали [одежду], а уж платья на подкладах были*» [ВС, 2002, Т. 6: 427]. Значение лексической единицы **комод** «низкий шкаф с выдвижными ящиками» [ВС, 2000, Т. 3: 118], также содержит сему «хранилище вещей», которую вычленим из иллюстрации: «*У них и телевизор и комод, вся ибстановка: стулья, столы, шифонер*

(одежду хранила)» [Там же], однако в диалектном материале не обнаружено контекстов, актуализирующих символический компонент в значении этой лексической единицы.

Лексические единицы **приданое (приданно, приданы)** также проходят процесс символизации.

Эти лексемы имеют сакральное значение – «имущество, деньги, даваемые родителями невесты при вступлении в брак. – *Счас как свадьба пройдет, наложат приданного; Свадьбу гуляли по неделе. Девки, старухи готовили приданное, соберут и везут к жениху, там гуляют и пьют; Приданное везут после*» [ВС, 2001, Т. 5: 368]. **Приданное (приданно, приданы)** в свадебном обряде составляли различные предметы, необходимые для начала семейной жизни: полотенца, рубахи, юбки, постельные принадлежности: *В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо приданно завезть: наволочку тиковую, постельку, исподняя халицова, сверху тикова наволочка. Приданно две подушки и постеля, полотенцы двенадцать было* [Том. В.-Кет.].

В значении лексической единицы **приданное** развиваются следующие семантические варианты символического компонента:

1. **Показатель состоятельности семьи невесты:** *«Каким приданным, надо обязательно посмотреть»* [ВС, 2001, Т. 5: 368]; *На лошадах катаются, приданное кажут* [Материал, собранный автором. Том. Пар.]; *Вот гости нарядились, идут по деревне, приданно кажут* [Материал, собранный автором. Том. Пар.].

Приданное являлось обязательным атрибутом свадебного обряда, оно готовилось специально: **Приданное**, узлом было связано: *матрас специально мать купила новый, я помню специально заказывали частнику – сшили одеяло... красное одеяло было* [Материал, собранный автором. Том. Пар.], поэтому для его приготовления семья невесты иногда тратила последние средства. Рассмотрим рассказ диалектоносителя: *Какое приданное в те года* [речь идет о послевоенных годах], *что мама дала, то и дала: две подушки, одеяло состежили, материал продавался двойной стального цвета в такую вылочку для куфяек, и вот мы два метра и двадцать сантиметров его взяли, это на посадку двадцать, два метра так одеяло должно быть, а на вторую сторону мамини две юбки разорили, они одинаковы были две юбки, только одна была темно-коричневая, а другая черная, а цветки по им одинаковые были – вот это мне подклад сделали. Вот эта у меня была одеяла слоёная в замуж я с ей выходила. И то, знаешь, как рады были, что одеться* [накрыться] было есть чем. *Мама мне две подушки дала* [Материал, собранный автором. Том. Пар.].

На материальный достаток семьи указывают лексемы, называющие предметы, составляющие **приданное (приданно)**, например, **шуба:** *Приданно готовилось. Таки шубы, пальто, жакеты кладут. Яшишк покупали, кесьмой* [тесьмой] *убран, хоть кесьма однотоная, шёлкова, блестящая* [Том. Пар.]. Так, **шуба** в русской деревне считалась большой ценностью и показателем достатка семьи [Русский традиционный костюм, 2006: 370].

Демонстрация **сундука с приданным** являлась важнейшим этапом свадебного действия, которое сопровождалось различными играми, акцентирующими внимание на размере **сундука:** *Ну а от венца привезут, поедут в церковь, повенчают, от венца везут к жениху. Сундук [с приданным] невесте накладывают большой, теперь везут этот сундук тоже: «Не пролазит во двери!». Опять подают [по рюмочке]* [Материал, собранный автором. Том. Пар.]; *«Постель, подушки и-и сундук большой. Сколько приданного, и там узлов сколько»* [ВС, 2001, Т. 5: 197].

Отсутствие **приданного**, проявляющее бедность семьи, является отступлением от нормы и маркируется высказыванием *идти замуж убёгом (бёгом, бегом)* – «тайком без согласия родителей» [ВС, 2002, Т. 7: 110], без совершения свадебных церемоний: *У кого был достаток делали свадьбы, а у кого не было, убёгом убежали* [Материал, собранный автором. Том. Пар.]; *Раньше бёгом (выходили замуж)* [Том. Верш.], *Дочь убежала бегом* [ВС, 2002, Т. 7: 111].

О важнейшей роли **приданного** свидетельствуют примеры, описывающие выход замуж **убёгом** из-за неравного материального положения семей жениха и невесты. Так, если невеста была из более богатой семьи, то она старалась забрать свое **приданное**, даже когда убежала с женихом: *Свататься приходили родители, ну и сватали. А моя мать ушла убёгом замуж. Папины родители были бедными, а мамини считались богаты, 120 голов скота у их было. Старшая сестра Феликита-то, она это потом за богатого вышла же, а мама навязала узелки, свое приданно, а ее двоюродная сестра у нее принимала под окошечком-то, и сундучок оказался пустой, она переносила узелками свое приданное. А когда мать открыли сундук-то, а там нет ничё* [Материал, собранный автором. Том. Пар.].

В иллюстрации сакральное значение **приданного** развивается до символического: **приданное** воспринимается как символ благосостояния новой семьи, как гарант благополучного начала семейной жизни: *Ну, приданное готовили, раньше всегда перина, ну и дарили скотину, корову, овец, чтоб начинали жить-то* [Материал, собранный автором. Том. Пар.]; *«А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданное, ага. Вот этого они начинали жить»* [ВС, 2001, Т. 5: 368].

Лишением **приданного** маркировалось наказание за нерегламентированные действия – *ничего не давали*. Выйти замуж без согласия родителей объективируется словосочетанием **выйти из греха:** *Аааа, которы из греха выходят, тому ничего не давали* [приданого] [Том. Кож.].

Итак, анализ процесса формирования символического компонента в значении слова позволяет исследовать лексические единицы, которые вовлекаются в процесс символизации и имеют в своем значении символический компонент, на основе которого формируется доминантное символическое значение. Механизмы данного процесса позволяют выявить специфику традиционной культуры – ее универсальность, которая проявляется в закреплении абстрактных понятий за явлениями повседневного обихода.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137.
2. Банкова Т. Б. Кулинарный код в сибирских семейных обрядах // Вестн. Том. гос. ун-та: бюл. оперативной науч. информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». – 2006. – № 112. – С. 20-33.
3. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб., 2004. – 240 с.
4. Вершининский словарь / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998 – 2002. – Т. 1-7.
5. Русская изба: (Внутренне пространство, убранство дома, мебель, утварь): иллюстрированная энциклопедия / авт. сост.: Д. А. Баранов [и др.]. – СПб.: Искусство-СПБ, 1999. – 375 с.
6. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.: Н. Соснина, И. Шангина. – СПб.: Искусство-СПБ, 2006. – 400 с.